

Полковник Гуров

Николай Леонов

Поминки по ноябрю

«Научная книга»

Леонов Н. И.

Поминки по ноябрю / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
— (Полковник Гуров)

Жизнь Гурова – схватка с теми, кто преступил закон. Полковнику нужен след, и преступник оставляет его, взяв в заложники ребенка. Теперь расследование напоминает шахматную партию, где ходы просчитаны далеко вперед.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Николай Иванович ЛЕОНОВ Алексей Викторович МАКЕЕВ Поминки по ноябрю

Пролог

Сергей Сергеевич Николаев, московский предприниматель тридцати пяти лет от роду, сегодня проснулся рано, и настроение у него было не самое лучшее. День намечался хлопотливый и напряженный.

Такое бывало и раньше, но никогда еще утро не встречало Сергея таким густым и тоскливым серым светом из окна, никогда не было такой ломоты в спине и такого скверного настроения. Не хотелось даже открывать глаза и смотреть на этот неприветливый мир, струящийся с улицы. Сергей был не рад тому, что проснулся, хотя вчерашний день начался неплохо, прошел очень содержательно, а закончился вообще таким веселым кувырканьем под брызги шампанского на широкой двуспальной кровати отнюдь не с женой, что только радуйся... Но радости почему-то не было.

Ну разве все, что было вчера, – это не причина для того, чтобы проснуться в прекрасном настроении?

Однако Сергей не помнил, чтобы просыпался на таком взводе.

Что-то еще случилось. Наверное, вчера. Или уже сегодня? Что именно, Сергей вспомнить не мог.

Сергей посмотрел налево, потом направо. Жены рядом не было, что не являлось поводом для грусти, скорее наоборот.

Обидевшаяся на него вчера жена спала в другой комнате.

Сергей встал, накинул на себя теплый халат цвета морской волны, валявшийся тут же на полу, потянулся, помотал головой и, вздрогнув, взглянул на настенные часы.

На секунду ему показалось, что опоздал. Но до отъезда по очень важному делу оставалось почти полчаса. Этого времени с избытком должно было хватить и на душ, и на легкий завтрак.

Сергей, позевывая, прошлепал в ванную, с удовольствием отметив, что завтрак на столе стоит, а жена Ольга быстро скрылась в соседней комнате, изображая кровную обиду, способную тянуться до вечера.

Через двадцать минут Сергей уже сидел в кухне и, глядя новости по телевизору, жевал сэндвич.

Он прокручивал в голове все сегодняшние маршруты и прикидывал, сколько времени каждый из них может занять. Поспеть нужно было везде, но самое важное дело необходимо было сделать первым.

Посмотрев на часы и покивав в такт своим мыслям, Сергей встал и выглянул в окно.

С высоты седьмого этажа открывался великолепный вид на Пречистенскую набережную. Именно из-за открывающейся панорамы на реку, на расстилающийся за нею город он и любил сразу эту квартиру.

Опустив взгляд ниже, Сергей заметил, что во двор въезжает его серебристый «Мерседес». Саша – его личный шофер и телохранитель – был точен, как всегда. Нужно было собираться.

Сергей отошел от окна и поставил на стол чашку с недопитым кофе.

Он быстро вышел из кухни и, словно не заметив, что Ольга на что-то демонстративно обижена, по отработанной годами совместной жизни привычке, приоткрыв дверь в холл, сказал:

– Мне пора, Лелик.

– Ты надолго, Николаев? – громко спросила Ольга.

Как она привыкла называть Сергея по фамилии еще со студенческих времен, так и продолжала звать все эти тоскливые двенадцать лет совместной жизни. Когда-то Сергей обижался, а потом – ничего, привык.

Ольга сидела в кресле напротив холодного камина, держала в руках книжку в мягкой обложке. Книжка завалилась в холле и вот сейчас пришлась кстати. Ольга читала редко, хотя любила говорить, что до замужества она читала часто и много. А после замужества почему-то перестала. Почему, Ольга не объясняла. Наверное, не могла придумать уважительной причины. А Сергей никогда и не интересовался.

– Я в обед заеду, Лелик, – ответил Сергей и, не прикрывая двери к жене, направился в коридор. – Что у нас будет вкусенького? Чем порадуешь?

– Сюрпризом! – крикнула Ольга, не опуская книжки.

Она и сама частенько не знала, что приготовит, поэтому предпочитала отделяться намеками. Пока муж будет мотаться по своим нудным делам, всегда можно будет полистать журналы, посмотреть телик, поболтать с подружками по телефону, глядишь, какой-нибудь новый незамысловатый рецепт и обнаружится.

Сергей вышел в коридор, но, словно вспомнив о чем-то важном, хлопнул себя по лбу и повернул обратно.

– Опять нужные бумажки забыл? – крикнула ему Ольга, уже забывая об обидах. Какой смысл показывать мужу свою печаль, если он все равно этого не замечает? Черствый и некультурный человек.

– Да, забыл, – нехотя ответил Сергей и вошел в свой рабочий кабинет.

Он плотно притворил за собою дверь и быстро подошел к сейфу, стоящему слева от окна кабинета.

Небольшой коричневый атташе-кейс, стоящий на полу около стола, Сергей положил на стол и открыл, затем, по привычке выглянув в окно, опять же по привычке заслонил спиной толстую сейфовую дверь, хотя в кабинете больше никого не было и во всей квартире, кроме него с женой, не водилось даже кошки, и набрал знакомую комбинацию цифр.

С мелодичным звоном замок сейфа отщелкнулся.

Оттянув на себя тяжелую дверку и вставив маленький ключик в следующее отделение сейфа, Сергей открыл и его.

Он вздохнул и покачал головой – денег было жалко, как всегда, но делать нечего. Хотя он, конечно же, не думал, что так весело начавшийся вечерок закончится такими тратами.

Сергей глазами пересчитал пачки денег, лежащие во втором отделении сейфа. В следующий раз надо быть осмотрительнее. Он аккуратно переложил из сейфа двенадцать пачек «зелени» в открытый атташе-кейс и после этого, повторяя в обратном порядке все операции, запер сейф.

Немного подумав, Сергей запер атташе-кейс, шифр соответствовал дате его рождения.

Сергей вздохнул и вышел из кабинета, привычно придерживая крышку атташе-кейса пальцем. Тут зазвонил его сотовый телефон, лежащий в кармане пиджака.

Сергей вынул его и развернул.

– Да! – негромко сказал он в трубку и подошел к окну. – Да, я, Саш... Поднимайся.

Он снова выглянул в окно и увидел свою машину, уже стоящую у подъезда. Из машины вылез Саша, с наигранной ленцой осмотрелся и неторопливо пошел к подъезду, держа руки в широких карманах распахнутого пальто.

Сергей вышел из кабинета и столкнулся с Ольгой, решившей, что все-таки надо поцеловать мужа перед его уходом. А высказать все можно и потом. Ну, выпил вчера мужик, приперся поздно, ну, наговорил всякой всячины, ну и ладно. Всегда найдется время отыграться. На худой конец он еще и баксов подкинёт за моральный ущерб. Если ничего не помнит, можно будет сказать, что и ударил.

– Водила звонил? – Ольга откровенно зевнула и прищурилась, рассматривая мужа. Подойдя ближе, она собрала у него с пиджака несколько пылинок и вздохнула.

– А как же, – тихо ответил Сергей. – Береженого бог бережет. А не береженого конвой стережет. Пословица есть такая. Народная.

– Ну-ну, – равнодушно ответила Ольга и не удержалась от легкого ехидства: – Ты только смотри, не приходи, как вчера, невменяемым, ладно? И перед людьми неудобно, и самому должно быть стыдно. Не мальчик же, кого удивляешь?

Снова зазвонил сотовый. Сергей прослушал, что ему сказал Саша, и коротко ответил:

– Выхожу!

Он подхватил атташе-кейс, ничего не отвечая жене, быстренько поцеловал ее в затылок.

В коридоре Сергей накинул на себя плащ и шарф и открыл входную дверь. За дверью, все так же засунув руки в карманы длинного серого пальто, стоял Саша.

Пережевывая резинку, Саша кивнул и посторонился, Сергей вышел из квартиры и направился к лифту.

До того как они сели в машину, никто не произнес ни слова. Так давно уже определил Саша, объяснив, что путь из квартиры к машине и обратно по статистике является самым опасным. Сергей тогда для вида поворчал, но согласился.

Саша был опытным бодигардом. Когда-то он служил в спецподразделении ГРУ и, чем там занимался, никому не рассказывал.

Саша вторым зашел в лифт и первым вышел из него, опережая шефа на три шага. Выйдя из подъезда, он осмотрелся, кивнул, и только после этого вышел и Сергей.

– В офис, как обычно, или куда, шеф? – спросил Саша, выводя «Мерседес» со двора на дорогу.

Сергей, севший рядом с ним, а не сзади, на что Саша поморщился, но промолчал, отрицательно покачал головой:

– Нет, Саша, сейчас поедем за МКАД в Ближние Пруды, я там покажу конкретно.

Если водитель и удивился необычному маршруту, то ничем этого не показал. Просто кивнул, давая понять, что команду воспринял. Хотя все это было нарушением условий безопасности.

Телохранитель должен заранее знать все маршруты, обмозговать пути подхода и отхода, страхуясь от вероятных неприятностей. Но каждый думает, что крупные неприятности, столь часто случающиеся с предпринимателями и потом подробно показываемые по телевидению, – это не про него.

Саша, нахмурясь, смотрел на дорогу, надеясь, что с ними сегодня все будет нормально.

Сергей же рассеянно поглядывал в окошко и думал о своем последнем разговоре с Мжавнадзе.

Хитрый жирный грузин, изображая из себя хлебосольного восточного хозяина, долго рассуждал о дружбе, об «уважаемых людях», о необходимости делать добро всем и каждому, но, как только разговор дошел до дела, стал жестким и непреклонным.

Вскоре они подъехали к МКАД.

Оставив Кольцевую автодорогу позади, «Мерседес» покотился дальше по шоссе, въехал в лесной массив, и у третьего поворота Сергей приказал повернуть. Потом еще раз.

Шоссе плавно перешло в грунтовку, потом в откровенную козью тропу, разбитую огромными колесами строительных машин. Саша повел «Мерседес» медленней.

– Надо было бы джип взять, – проворчал он, не глядя на шефа.

– Что? – переспросил Сергей и выбросил в приоткрытое окошко недокуренную сигарету. – Ерунда... А впрочем, я и сам не знал, что здесь будет такая дорога. Ты знаешь, Сашок, однажды в Германии, в Баварии, я нашел такую разбитую грунтовку, что даже что-то вроде дежа вю испытал. Представляешь, вдруг показалось, что я из Мюнхена за полчаса до России доехал! Было от чего чердаку слететь.

– Бывает. – Саша улыбнулся и покачал головой.

Дорога поворачивала влево, и Саша еще больше замедлил ход.

Лес здесь поредел, отступил в стороны, и только слева, со стороны Саши, к дороге прижимались кривоватые кустики непонятного растения.

Сергей наклонился к атташе-кейсу, погладил его ладонями и зачем-то пробарабанил по его крышке всем известную речовку «Спартак» – чемпион".

– Не согласен, «Спартак» – отстой, – сразу же отреагировал Саша. Футбольная тема была единственной в разговоре с шефом, где он позволял себе высказывать свое мнение. – Круче «Милана» вообще ничего нет. Это ж очевидно, – веско произнес он.

– Это еще как сказать, – произнес Сергей, и это были его последние слова.

Из-за кустов внезапно поднялась высокая фигура в камуфляже, с короткоствольным автоматом в руках. Голова человека была закрыта черной шапочкой.

Саша первым заметил опасность и резко ударил по педали газа, но опоздал. Сергей удивленно посмотрел на Сашу, потом скользнул взглядом за окошко и понял, что именно его тянуло за душу все это утро. Это было не воспоминание, а предчувствие. Сергей понял это и тоже опоздал.

Раздались две короткие автоматные очереди. Саша был убит сразу же, Сергей на две секунды позже.

Ставший неуправляемым «Мерседес» дернулся вправо, ударился бампером о высокую кочку и, рыча и вышвыривая из-под задних колес ошметки мокрой земли, начал бодаться с нею.

Убийца, не отпуская автомата, подбежал и дернул за правую дверку.

Сергей сидел в прежней позе, только его голова была завалена набок, а руки все еще лежали на атташе-кейсе.

Убийца осторожно вытащил кейс, стараясь, чтобы ни одной капли крови с пробитой головы Николаева не упало на него, но тут уж не повезло. Кейс был перепачкан.

Шепотом выругавшись, убийца быстро осмотрелся, бросил автомат на землю и, прижав кейс к груди, побежал к недалеким деревьям.

В небольшой лощине среди деревьев стояла коричневая «шестерка», нарочно подобранная по цвету, чтобы не светиться среди деревьев, и угнанная только сегодня утром.

Убийца на ходу обтер кейс о свой камуфляж, подбежал к машине и быстро скинул с себя весь этот военизированный прикид. Скомкав куртку и брюки, он забросил их в салон на заднее сиденье.

Дело было сделано наполовину, и пока все шло удачно. Теперь предстояло доехать до ближайшего городишки, бросить угнанную накануне машину, поджечь ее, дойти до станции и, как все приличные граждане, сесть на электричку и поехать в Москву.

Глава 1

Седьмое ноября давно прошло, а снега все не было. Вместо снега, как вчера и позавчера, опять моросил мерзкий дождик. Оттого что погода была скверной, настроение тоже было нерадостным.

Старший оперуполномоченный по особо важным делам полковник Лев Иванович Гуров отошел от окна и с раздражением замял сигарету в хрустальной пепельнице.

– А сигарета в чем перед тобой провинилась? А она, между прочим, моя. – Стас не удержался от ехидства и, поймав на себе сердитый взгляд Гурова, все равно закончил в прежней шуточной манере: – Молчу-молчу, патрон! Глух и нем аки... паки... каки... забыл, как дальше. В общем, понеже грешен, батюшка.

– Снега нет, – пробормотал Гуров, не обращая внимания на шуточки Крячко.

О том, что Гуров почти не курил и никогда не носил с собой сигарет, знали все его знакомые. И если Лев Иванович все-таки начинал курить, то это означало, что ситуация приближается к экстремальной. Понимал это и Крячко, но все равно не желал менять свою манеру разговора со старым другом. Да Гуров этого и не требовал.

– Снега нет, – повторил Гуров, отодвигая пепельницу на край своего стола, – а насколько я помню, раньше на седьмое ноября всегда был снег. Демонстрация, трибуны, голос диктора и скрип снега. У меня это все как-то слилось в одну картину. А теперь – седьмое ноября было, а снега не было! Черт-те что!

Гуров прошелся по кабинету. Было заметно: его что-то гнетет. Стас прекрасно понимал, что у того на душе.

Разговор с генералом на повышенных тонах и навязанное в результате задание Гуров иначе, как личный вызов, воспринять не мог. Поэтому и злился. Но, может, это было и к лучшему. Свои самые сильные качества сыщика Гуров демонстрировал именно тогда, когда чувствовал вызов. Вот как сейчас.

– Сравнить тебя, что ли, с тигром в клетке... – задумчиво проговорил Стас, ожидая вспышки хорошо всем известного гуровского раздражения. – Или даже со львом! Лев Иванович, тебя часто сравнивали со львом? Это зверь такой, он живет в Африке и в зоопарках.

– Не юродствуй, охлонись. – Гуров внезапно остановился напротив Стаса, посмотрел на него, словно на врага, ткнул в его сторону пальцем и напомнил: – А вот у Петра в кабинете ты меня не поддержал!

– Не поддержал, верно, – вздохнул Стас. – Я просто его прекрасно понял: кто же, кроме тебя, сможет все это разгрести?

Генерал Орлов на общем утреннем совещании специально задержал Гурова и Крячко и обрадовал их новым заданием – расследованием убийства предпринимателя Николаева, случившегося вчера за МКАД в районе населенного пункта Ближние Прудищи.

Все было просто и непробиваемо. У вдовы предпринимателя Николаева оказался любящий родной дядюшка, занимающий настолько влиятельный пост в правительстве, что отказать ему было невозможно. Да и неприлично, если рассуждать по-человечески.

Дядюшка попросил бросить на расследование убийства лучшие силы, и Орлов пообещал.

– С Авгием меня сравниваешь, Стас? Это был такой древнегреческий ассенизатор, да? Так о нем потом сказки рассказывали... Ну, ладно, проехали!

Гуров махнул рукой и вернулся к своему столу.

– Жаль бросать незаконченные дела. Но там вроде все уже и так ясно... Что нарыли эксперты по делу Николаева? – резко спросил он, сразу входя в работу так, как он привык: полностью усваивая всю информацию и потом уже на ее основе начиная приходить к каким-то своим выводам.

– Читать все? – спросил Стас, пододвигая ближе к себе уже приготовленную папку розыскного дела.

Гуров промолчал, и Стас, понимая это как положительный ответ, раскрыл папку.

Итак, вчера за городом, в небольшом лесу был обнаружен застреленным в своей машине вместе с шофером генеральный директор фирмы «Интернешнл фуд корпорейшн» Сергей Сергеевич Николаев. Судя по заключениям экспертов, убийство произошло утром, но обнаружили одиноко стоящий на грунтовой дороге «Мерседес» и два трупа в нем только после обеда.

Один житель столицы, работник силикатного завода Григорьев, отправился на своем «жигуленке» навестить тещу, проживающую в поселке Ближние Пруды. Экономя время, он решил проехать через лес и, увидев впереди блестящую задницу дорогого «Мерседеса», сперва сбавил скорость, потом, подъехав ближе, робко нажал на сигнал. Так как на его обращение не последовало никакой реакции, он, подъехав почти вплотную к «Мерседесу», остановился и подождал.

Григорьев очень эмоционально рассказывал оперативникам про свои переживания и сомнения. О том, как он долго не решался выйти из «Жигулей», все надеясь, что отдыхающие «крутые», как он думал, заметят его и отведут своего «мерина» в сторону, давая ему возможность проехать.

Но они не заметили. И не отвели.

Одним словом, вышеупомянутый Григорьев, все-таки решившись, робко подошел к «Мерседесу», осторожно заглянул в салон через раскрытую правую переднюю дверцу и затем, одним прыжком вернувшись в свою машину, сломя голову помчался обратно к МКАД, не отвечая на вопросы рассерженной супруги, никак не желавшей понять, почему, почти доехав до дома ее мамочки, этот дурак вдруг развернулся и поскакал в обратном направлении.

Показания Григорьева в общих чертах уже знали и Гуров, и Крячко.

Дело об убийстве предпринимателя Николаева, как и любое заказное убийство, а именно к этой категории необходимо было отнести данное преступление, представляло собою твердый орешек для оперативников и следователя. Процент раскрываемости по заказным убийствам унизительно мал, и дело тут не в том, что на такую работу обычно идет достаточно опытный киллер, умеющий почти не оставлять следов.

Люди, становящиеся объектами заказных убийств, как правило, заметны и влиятельны в своих сферах деятельности. Они прошли долгий путь, и на этом пути бывало всякое. Для того чтобы шаг за шагом проверить всевозможные версии, возникающие при расследовании заказных убийств, иногда приходится тратить месяцы на кропотливую работу по выяснению связей, причин, мотивов и поводов, и когда в конце убеждаешься, что это ответвление одной из основных версий оказалось тупиковым, то приходится запастись изрядным количеством терпения, потому что нет гарантии, что повезет при следующем варианте.

Гуров все это прекрасно знал, и это знание настроения ему не улучшало. Убийство предпринимателя Николаева было классическим заказным убийством. С основными оперативными данными Гуров уже успел ознакомиться, но, как всегда, перед тем как действовать, предпочитал максимально подробно овладеть информацией.

– Заключение баллистической экспертизы готово? – спросил Гуров. – Или они все еще телятся?

– Да лежит тут бумажка, – ответил Стас. – Николаева убили из автомата Калашникова калибра пять, сорок пять. Именно из того, который нашли брошенным в трех шагах от правой дверки автомобиля. Отпечатков пальчиков нет, киллер работал в кожаных перчатках. В рожке автомата оставалось еще шестнадцать патронов. Несложный подсчет подсказывает... – Стас сделал паузу, но закончил просто и серьезно: – Если рожок был полным, а скорее всего так оно и было, то четырнадцати патронов хватило на двоих за глаза. Что мы и имеем. Вот такие дела.

– Стреляли с близкого расстояния, – монотонно произнес Гуров, словно делая необходимую отметину в памяти.

– Практически в упор, – кивнул Крячко. – И как мне представляется, тут дело вот в чем. Дорога поворачивала, это заставило шофера сбросить скорость, и «Мерседес» поехал медленнее. Киллер ждал их за кустами у дороги, как мне кажется, не меньше получаса. Об этом говорят... – Стас перелистал страницы и быстро нашел нужную, – об этом говорят два окурка сигарет «Честерфилд», которые предположительно киллер выкурил, ожидая своих жертв. Если бы можно было по окурку найти преступника, то... мы бы с этим делом быстро расплевались, – вдохновенно заявил Крячко и мечтательно посмотрел на потолок. – Я такие случаи в кинофильмах частенько видел. Помню, когда в детстве смотрел советские детективы, то все ждал, когда же найдут окурочек! Если окурочек находили, то и преступника хватили уже в ближайшие полчаса киношного времени. Какое время было! Только работай! «Следствие ведут Знаатоки»!

– Не отвлекайся, Стас, – недовольно буркнул Гуров. – В нашем случае это не прокатит. Киллер курил, вставляя сигарету в мундштук. Кстати, о сигаретах...

– Пожалуйста, босс.

Стас с театральной угодливостью протянул свою пачку Гурову, и тот выудил из нее вторую сигарету.

– А я думал, только я один умный, – разочарованно протянул Стас, – и ты мне сам постоянно об этом говорил! Как ты узнал про мундштук и киллера, если я тебе об этом не сообщил?

Гуров промолчал, рисуя в голове максимально приближенную к реальности картину преступления. Создавалось крепкое мнение, что работал профессионал.

Стас тоже вынул сигарету из пачки, лежащей перед ним на столе, и прикурил ее.

– А может быть, у него такая фраерская привычка – курить через мундштук? Чем черт не шутит? – спросил он.

– Если бы киллер имел такую привычку, то он был бы склонен к красивым жестам. Мундштук – это признак или пижонства, или профессионализма. Пижон не стал бы не менее получаса сидеть в грязи. И вообще, он постарался бы найти другое место для убийства и избрал бы другой метод, – возразил Гуров. – Что-нибудь более показушное. А здесь все проделано чисто и наверняка. Нет, мы имеем дело с осторожным профессионалом, старающимся не оставлять даже малейших следов. Если бы не было мундштука, мы, возможно, имели бы образцы прикуса и слюны. А так он не оставил нам ничего.

– Если согласиться, что мы имеем дело с осторожным профессионалом, то и марка «Честерфилд» нам ничего не дает. Готов спорить на пиво, что вот как раз «Честер» наш киллер и не курит. Он просто курит. А эти сигареты купил, только пойдя на дело, – предположил Стас.

– Что еще эксперты говорят? – спросил Гуров, прерывая своего друга. – Не отвлекайся. Успеешь еще потрепаться.

– Путь отхода киллера был в направлении деревни Корюшки, – пробормотал Крячко и покачал головой. – Ох уж мне эти привязки к местности! Все равно же до деревни он не дошел нескольких километров... Ну, в общем, в ста пятидесяти метрах от дороги на опушке леса его ждала машина. Судя по оставленным следам, это были «Жигули», ориентировочно «тройка», «пятерка», «шестерка»...

– И туз! – не выдержал Гуров и стукнул кулаком по столу. – Хватит! Все, в общем, ясно! И все непонятно. Скажи лучше мне, юморист, зачем этот Николаев поперся из центра Москвы в такую даль? Там где-то рядом у него, не знаю даже, цеха, склады, банки? Что ему понадобилось в этих пампасах?

– А вот сие – загадка! – важно сказал Стас, покачав в воздухе указательным пальцем. Он равнодушно захлопнул папку и отложил ее вправо от себя. – Согласно данным наших коллег-экономистов и показаниям жены...

– Твоей? – хмуро спросил Гуров, прикуривая и бросая пачку обратно на стол Крячко.

– Почему моей? – не понял Стас. – Мы же говорим о Николаеве. Согласно показаниям его жены...

– Тогда вдовы, – поправил его Гуров.

– Пардон, уже вдовы, – согласился Крячко. – Ну, знаешь, ты становишься нудным и тоскливым! Или ты меня слушаешь спокойно, или будешь слушать насильно! В конце концов, сам заказал мое выступление, я не навязывался! Теперь терпи! Итак, бизнес Николаева был связан большей частью с розничной торговлей продовольствием. Кроме того, он имел крупные пакеты акций нескольких московских предприятий пищевой промышленности, входил в наблюдательные советы и в советы директоров... Короче, экономических интересов Николаева в районе этих Прудыш, как Ближних, так и Дальних и всех прочих, не прослеживается. Хотя не исключено, что он почувствовал себя созревшим и решил открыть в своем бизнесе новое направление. Собираение грибов, например.

– Всякому овощу свое время, – пробормотал Гуров. – Грибам уже не сезон.

– Блин, промашка вышла. – Стас с силой почесал затылок и признался: – А правильно я сделал, что пошел работать в органы. В роли бизнесмена прогорел бы к чертовой матери. Почему-то у меня такое ощущение. А вот у Николаева бизнес хорошо пошел. Талантливый человек. Был.

– Бизнес пошел хорошо, да закончился не очень, – сказал Гуров. – Тоже можно сказать, что не совсем правильной дорогой пошел этот товарищ. Хотя еще не факт. Причины убийства не ясны. Ты так и не сказал: вдова не знает, зачем он туда поехал?

– Не знает. – Стас развел руками и покачал головой. – С ней уже встречались наши коллеги, разговор был не очень подробный. Ну, сам понимаешь, только-только случилось это несчастье. Одним словом, дамочка была вся на нервах, что понятно. Она, в общем, не знала, зачем он туда поехал. Даже больше скажу, она и не знала, что он поехал именно к этим Прудышам. Она думала, он поедет в свой офис, и после отъезда мужа два раза звонила туда.

– Зачем? – сразу же насторожился Гуров. Он отставил руку с сигаретой в сторону и остро взглянул на Стаса. – Зачем она звонила, и даже два раза? Одного ей показалось мало? Что она хотела узнать?

– Чистую бытовуху, как она изложила при первой беседе, – Стас потер лоб ладонью и пожевал губами. – В общем, я тебя понял. Согласно ее показаниям, она не успела договориться с мужем о посещении какого-то театра сегодня вечером.

– Звонила и хотела выяснить, идут они в театр или нет? – уточнил Гуров. – Это еще интересней. А может быть, и нет. Если не успела договориться, значит, и билетов нет. То есть ее слова ничего не подтверждают. С таким же успехом театр можно заменить музеем, ипподромом, кришнаитской общиной. В любом случае вдова берется на заметку... невзирая на ее родственные связи. Что-то она быстро побежала за помощью. Тебе не кажется?

– Ты просто злишься на нее за то, что она заставила тебя работать, – хмыкнул Стас. – Будем считать для простоты, что она заинтересована в успешном расследовании.

– Да? – угрюмо переспросил Гуров. – Там видно будет. Пока считать рано. Нечего считать... Так часто ли она звонила мужу на работу?

– Не знаю, – ответил Стас. – Я же с ней лично не разговаривал. Пока.

– А хоть с прокуратурой ты разговаривал? – подозрительно равнодушно спросил Гуров. – Кто от них будет вести это дело?

– Некий Игорь Гой-да, – по слогам, словно впервые произносит эту фамилию, сказал Крячко. – Такая странная фамилия. Мне кажется, я ее где-то слышал... Может быть, в этом кабинете?

– Ну хоть одна хорошая новость за весь день! – Лев Иванович даже улыбнулся и с удовольствием пыхнул сигаретой. – Мы с Игорем понимаем друг друга с полуслова. И он еще ни разу не вставлял нам палки в колеса.

– Что правда, то правда, – согласился Стас. – В этом, прямо скажем, нам повезло. Но всегда что-то случается в первый раз.

– Ну, ладно. Лясы точить – дело хорошее, но бесполезное. – Гуров взглянул в окно. – Вперед, по коням. Я еду в офис к Николаеву. Буду выяснять все, что есть у него по работе.

– Ну, понял, мне остается вдова. – Крячко почесал кончик носа и, как бы в отчаянии, махнул рукой. – Как всегда, мне достается самое неаппетитное! Слезы, охи, вздохи... Кошмар, одним словом. Буду стараться выяснить, часто ли они с мужем ходили по театрам? – Стас постарался придать своему голосу максимум робости и спросил: – Я правильно все понимаю, патрон? Утешьте меня, пожалуйста!

– А ты умный. – Гуров впервые за весь разговор скупно улыбнулся. – Так и будешь сидеть или как?

Он подошел к шкафу, стоящему в углу кабинета, раскрыл его и достал свое пальто.

– К вдове я тебя не пущу, – сказал Гуров. – Есть тебе работенка полегче. На свежем воздухе. Будешь здоровье укреплять. Для таких разгильдяев, как ты, вдова – это слишком жирно. Мне нужно знать, зачем и почему. Зачем Николаев поехал в направлении Ближних Прудниц и почему шофер допустил ситуацию, позволяющую киллеру расстрелять его и Николаева в упор? Какой смысл иметь телохранителя, если он так подставляет?

– Это все хотят знать, – разумно заметил Стас, тоже вставая и подходя к шкафу. – Если бы я всегда знал ответы на эти вопросы, то сейчас ты бы подавал мне сигареты, а не наоборот. Вот такая печаль меня и гложет.

– Даю возможность проявить инициативу, – сказал Гуров, отходя от шкафа, чтобы не мешать Стасу одеваться. – Я думаю, цель поездки находилась в лесу. Иначе не вижу для Николаева смысла туда соваться.

– Это-то понятно, – согласился Стас. – Самое обидное будет, если мы вообще ничего не найдем, а потом выяснится, что Николаеву просто загорелось погулять в лесу.

– Его там ждали! – напомнил Гуров.

– Значит, осталось только найти людей, которые могли знать о цели его поездки, и... – Крячко сделал паузу и закончил: – И убедиться, что они совершенно ни при чем.

Он посмотрел на себя в зеркало, подмигнул сам себе.

– А потом начать искать настоящих виновников, – подвел итог Гуров, становясь рядом с Крячко. – По коням, Стас! Ты помнишь номер моего сотового?

– Обижаешь, начальник! – Крячко зашмыгал носом, изображая острый приступ печали, но Гуров сегодня был не в настроении.

– Значит, куда звонить, знаешь, – отрезал он. – Расходимся.

– Как скажешь, начальник. – Крячко оставил за собою последнее слово, но прозвучало оно уже в пустом кабинете.

Гуров, быстро пройдя по коридорам, спустился на первый этаж и вышел на улицу. Его «Пежо» стоял на стоянке в одном ряду с другими служебными и личными автомобилями.

Дело Николаева раздражало его, как никакое другое. И причина была в том, что был осуществлен жесткий наезд на руководство и Петя Орлов, старый друг, не смог устоять против этого.

– А ведь они и мысли не допускают, что люди, попросившие форсировать следствие, сами могут оказаться замешанными в преступлении, – пробормотал Гуров.

Он резким шагом подошел к своему автомобилю и сел в него.

Глава 2

Центральный офис фирмы Николаева располагался в Староконюшенном переулке. Это было недалеко от главка, и Гуров добрался до него за полчаса.

Он остановил «Пежо» справа от входа в офис и по давней привычке, перед тем как выйти из машины, внимательно осмотрел подход к офису, машины, стоявшие тут же на стоянке, и мысленно пожал плечами: а что он ожидал увидеть? Все, как обычно, и ничего нового – дорогие машины, редкие прохожие, камеры наблюдения. Никакой суеты и нервозности, впечатление солидного консерватизма и надежности.

Гуров усмехнулся, подумав, что убийствами директоров фирм сегодня никого не удивишь, и вышел из машины.

У входа в нужный ему офис топтался рослый молодой парень в темно-синей униформе секьюрити и курил, равнодушно посматривая по сторонам. На Гурова он не обратил никакого внимания.

Гуров прошел сквозь зеркальные двери под золотыми буквами «Интернешнл фуд корпорейшн» и начал неторопливо подниматься на второй этаж по лестнице, выстланной ковролином.

Старинный особняк, построенный полторы сотни лет назад для какого-нибудь отставного чиновника, в наше время являл образчик коммерческой стабильности, надежности и хорошего вкуса.

Первый этаж здания занимали подсобные помещения и комнаты охраны, рабочие же кабинеты сотрудников и руководства располагались на втором этаже.

Лестница привела Гурова в высокий светлый коридор.

Здесь все было ожидаемо и стандартно. Белые стены, потолок «армстронг» с квадратными яркими светильниками дневного света, располагавшимися по коридору в симметричном порядке, – стиль обычного офиса, где люди делают деньги или делают вид, что их делают. Что в некоторых случаях почти одно и то же.

Гуров остановился у края лестницы.

Обстановка в фирме была явно нерабочей. Двери всех кабинетов, кроме двух или трех, расположенных в самом конце коридора, были распахнуты.

Следом за Гуровым по лестнице поднялась невысокая полная девушка в сером костюме. В руке она сжимала коричневый кожаный футляр для очков. Окинув Гурова неприветливым, но оценивающим взглядом, она опустила глаза и быстрой походкой направилась в конец коридора.

Навстречу ей из одного кабинета вышел высокий взлохмаченный парень. Он обратился к девушке с каким-то вопросом, но та, закачав головой, проговорила: «Нет-нет, это не ко мне» – и, как показалось, пошла еще быстрее.

Парень нервно дернулся, махнул рукой и пошел к выходу, не обращая внимания больше ни на что.

Встряхивая головой и ругаясь вполголоса, парень, проходя мимо Гурова, пробормотал:

– Теперь-то уж своих командировочных не дождусь.

– Это ты точно говоришь, – сразу же подхватил Гуров. – Не дадут, бюрократы.

– Что вы сказали? – Молодой человек остановился и подозрительно осмотрел плечо Гурова и его модный галстук. В глазах у парня мелькнула надежда.

– При такой постановке дела, – пояснил Гуров, – вам их выписывать будут долго-долго.

– И не говорите! – раздраженно ответил парень, видимо, приняв Гурова за одного из посетителей. – У них, видите ли, шефа грохнули! А если я не уеду, то меня на недельный оклад нагреют! Им это по барабану, я понимаю!

Гуров сочувственно покивал, и молодой человек побежал вниз по лестнице, продолжая что-то бормотать и ругаться.

Пройдя по коридору мимо дверей с надписью «Бухгалтерия», «Менеджеры», «Дизайнерская группа» и «Группа сбыта», Гуров подошел к двери с табличкой «Секретарь».

Это была одна из трех закрытых дверей в офисе. Вторая несла на себе табличку с изображением женской шляпки, а на третьей, расположенной в самом конце коридора, даже таблички не было.

Гуров открыл дверь секретаря и увидел квадратную приемную, в которой, кроме секретарши, не было никого.

Секретарша – та самая среднего росточка пухлая блондинка, уже успела надеть свои очки и сейчас сидела за большим темно-коричневым столом рядом с монитором и трепетно сморкалась в скомканный платочек.

– Нет приема! – крикнула она Гурову и опустила голову, уголком того же платочка промокая себе уголки глаз. – Не работаем!

– Это хорошо, – поощрительным тоном заметил Гуров, вошел в приемную и прикрыл за собою дверь.

– Почему же «хорошо»? – сразу же тихо спросила секретарша, недоуменно, но цепко осматривая его плащ, галстук и ботинки.

Немного подумав, она улыбнулась. С влажными глазами это смотрелось не очень заманчиво, даже жалко. Было заметно, что девушка явно не в форме и была бы рада, если бы ее оставили в покое, но Гуров спокойно прошел мимо двух кожаных диванов и присел на стульчик рядом со столом секретарши.

– Что вы сказали? – спросил он, глядя прямо в ее глаза.

– Почему же хорошо, что нет приема? – повторила девушка, опуская левую руку под столешницу и наверняка нащупывая там кнопку вызова охраны.

– Потому что нам никто не мешает поговорить, – сказал Гуров. Он вынул из внутреннего кармана пиджака и показал свое удостоверение. – И никого вызывать не надо, все равно выгоню.

– Это... милиция, да? – Секретарша внимательно прочитала все, что было написано в удостоверении, и вздохнула, кладя обе руки на стол и с необратимой скоростью теряя интерес к Гурову как к мужчине и посетителю. – Вы как будто и не люди, – пожаловалась она. – Такое несчастье произошло, а вы слетелись, как... как...

Дверь в приемную приоткрылась, и вбежала высокая худая дама с всклокоченными каштановыми волосами.

– Людка, пошли! Опять этот комик пришел с камешками! Ты просила тебя позвать!

– Я занята! Не видишь, что ли! – неожиданно визгливо и зло крикнула секретарша, и дама, вздрогнув, словно она с разбегу напоролась на невидимую стену из бронированного стекла, мазнула странным взглядом по Гурову и вышла, осторожно прикрыв дверь за собою.

– О каких камнях идет речь, можно полюбопытствовать, Людмила? – спросил Гуров, откидываясь на спинку стульчика. – Что хорошего могут предложить коммивояжеры?

– Да так, поделки всякие из горного хрусталя, – Людмила высморкалась в платочек, убрала его под столешницу и закончила деловым тоном: – Все равно же не успею...

– Задержать этого разносчика до конца нашего разговора? – предложил Гуров и тут же добавил: – Правда, неизвестно, сколько ему придется ждать.

– Да у меня и денег с собою нет... все так неожиданно случилось, – отвлекшись было от печали, Люда-секретарша снова суксилась и извлекла свой платочек.

Гуров, давно привыкший к подобным сценам и словам, остался почти равнодушен к демонстрируемым женским огорчениям.

Первое его впечатление уже оформилось. Сотрудники фирмы находились под впечатлением страшной новости, рабочий цикл был сломан, и отсюда следовал закономерный вывод. Вполне возможно, что роль Николаева здесь была определяющей, и, после того как он выбыл из игры, фирму ожидают суровые времена. Знали ли организаторы преступления об этом, учитывали ли этот фактор? Если да, то вполне возможно, что убийство организовали конкурентные структуры, работающие в том же сегменте рынка.

– Это кабинет Николаева? – спросил Гуров, показывая на дверь из красного дерева с бронзовой ручкой, находящуюся слева от него.

– Да, – несколько растерянно протянула секретарша, – вы хотите осмотреть?

Гуров кивнул.

– А на такие дела, – секретарша помялась, – мне кажется, нужны какие-то документы. Ордер, например. От прокурора. Или от судьи.

– Это в случае обыска, – объяснил Гуров, вставая со стула. – Если нужен будет обыск, то найдется и ордер, и понятия сразу же отыщутся из числа ваших сослуживиц. Но пока я хочу именно «осмотреть». И надеюсь, вы мне в этом поможете. Я прав, Людмила?

Вздыхнув больше по инерции, чем от печали, к тому же мужчина явно не проникался к ней сочувствием, секретарша встала и, подойдя к двери кабинета, отворила ее.

– Прошу вас.

– Меня зовут Лев Иванович. – Гуров прошел в кабинет первым, за ним осторожно вошла и секретарша.

– Я прочитала в вашем документе, – тихо продышала ему в спину Людочка.

Кабинет Николаева был просторным и светлым. По интерьеру таких в Москве были тысячи. Создавалось впечатление, что их конструировали по одному образцу, который, впрочем, никто никогда не видел.

Здесь было приблизительно все то же самое, что и в коридоре, только подвесной потолок явно дороже, на полу лежал более толстый ковролин, да на стене позади директорского кресла висели два каких-то диплома в блестящих, отделанных под гранит рамках и под стеклом.

Выбрав себе кресло около приставного столика, правое, находившееся напротив окна, Гуров сел в него и жестом предложил Людмиле устраиваться напротив.

– Путина так показывают по телику, – блеснула эрудицией девушка, усаживаясь в кресло. – Спрашивайте, – попросила она, – а то вы как-то странно ведете себя, ничего не говорите почти. Вы уже арестовали кого-нибудь? Или как?..

– Скорее «или как», – усмехнулся Гуров, – но вот надеюсь, что после разговора с вами что-то прояснится.

– А я и не знаю ничего, – секретарша пожала плечами. – Ну, то есть я пока не знаю, о чем вы хотите узнать. Наверное, будете спрашивать про врагов, да? Не было таких. Сережу все люби-и-ли. – Девушка не выдержала, зашмыгала носом, соскочила с кресла, закачала головой, ничего больше не сказала и выскочила из кабинета, оставив дверь открытой.

Неизвестно, как все, а вот кое-кто здесь Николаева, похоже, действительно любил.

Гуров встал, прошелся по кабинету, заглянул в ящики стола в поисках записных книжек, но там было чисто, только на дне одного из них лежали две скрепки да старый номер журнала «За рулем».

Людмила вернулась через несколько минут, почти успокоившаяся, со свежим платочком в руках. Так как из приемной она не выходила, значит, запаслась платочками заранее. Гуров усмехнулся и решил задавать вопросы, пока относящиеся только к бизнесу Николаева.

– Успокоились? – спросил ее Гуров.

– Это имеет значение? – Людмила попыталась улыбнуться, и у нее это получилось жалко.

– Почти никакого.

– Значит, спрашивайте. – Девушка снова села на стул и потерла ладони одну о другую. – Что вас интересует в первую очередь?

– Все, – весело сказал Гуров. – Не будем терять время.

Из последующего разговора стало известно, что фирма «Интернешнл фуд корпорейшн» была основана четыре года назад двумя компаньонами, Сергеем Николаевым и Анатолием Парамоновым, однокурсниками из МВТИ.

Сначала ребята делали деньги на перепродаже подержанных иномарок, пока лавочку им не прикрыли ореховские «братки», а затем переключились на оптово-розничную торговлю продуктами питания. Дело пошло так хорошо, что сейчас, глядя на дорогой офис и помня об объемах продаж, было как-то странно вспоминать, что начиналось все с подвала на Мичуринском проспекте.

Компаньон Николаева Анатолий Парамонов последние полгода болел и сейчас находился в больнице. Три дня назад ему сделали сложную полостную операцию. На рабочем месте он не появлялся так давно, что в центральном офисе фирмы, где сейчас находился Гуров, как-то и подзабыли о существовании Парамонова. Всеми делами заправлял Николаев.

– И каковы были отношения между Николаевым и Парамоновым? – Гуров прервал рассказ Людмилы, и так уже чересчур пережевавшийся всхлипываниями.

Людмила подняла глаза:

– Кто ж это знает? Сергей всегда говорил, что с компаньоном ему повезло. А как было на самом деле, спросить можно только у Анатолия. Если он захочет рассказать.

– То есть Николаев никогда не ругал компаньона, но вам кажется, что между ними какая-то кошка все-таки пробежала? – уточнил Гуров.

Он понял по поведению Людмилы, что ее отношения с Николаевым явно переходили за грань чисто служебных. По безвременно ушедшему работодателю так не плачут. Следовательно, Николаев для нее был не только работодателем, и Людмила могла знать больше, чем простая сотрудница фирмы.

– Ну а как вы сами думаете, – голос Людмилы неожиданно окреп и показал таящиеся в нем злые истеричные ноты, – если один все время работает, а другой вовсе не появляется на работе, а прибыль делят поровну, то это будет нравиться тому, кто работает?

– Вы же сами сказали, что Парамонов болен, – напомнил Гуров, понимая, что преступление вполне может иметь экономическую подоплеку. Один компаньон хотел устранить второго от дел, но второй опередил и устранил своего бывшего друга раз и навсегда. А лучшего алиби, чем больничная койка, придумать трудно. В конце концов, Парамонову вовсе не обязательно было самому бегать по кустам с автоматом. Ему достаточно иметь деньги и желание. Деньги у него явно были, а вот как с желанием – это и предстоит выяснить.

– Но эти дела, насколько я понимаю, касались только двух компаньонов, – мягко заметил Гуров.

– В общем, да, конечно.

Людмила успокоилась так же неожиданно, как и взволновалась. Похоже, она даже попеняла себе, что не сдержалась.

– Кофе хотите? – спросила она, пряча глаза.

– Не пью на работе, – сухо ответил Гуров. – Ну а какие настроения бродят среди сотрудников?

– Все, как обычно, – ответила Людмила. – Работают люди.

– Это понятно. Если бы не работали, то ничего бы и не было. Что народ говорит по поводу убийства Николаева? Ведь наверняка какие-то версии есть?

Людмила облизнула губы и зачем-то оглянулась на дверь кабинета, хотя та была закрыта.

– Говорят, что Парамонову это очень выгодно, – выпалила она.

– Так они часто ругались? – быстро спросил Гуров.

– Ни разу такого не видела и не слышала, – твердо заявила Людмила. – Я имею в виду, что не слышала ни от кого. Кабинет Анатолия Васильевича находится не здесь, а во втором офисе, где склады, на «Москве-Товарной-Ярославской». Есть там такая улица Красная Сосна...

Людмила вопросительно взглянула на Гурова, и тот кивнул.

– Ну вот, – продолжила Людмила. – Сюда Анатолий приезжал нечасто. Раза два-три в месяц, да еще на основные праздники – Новый год, Восьмое марта, ну и тому подобное. Я имею в виду, он нечасто приезжал, когда был здоров. А потом, конечно же, и вообще перестал появляться. Лариска, то есть Лариса Петровна, его жена, была пару раз, но они о чем-то переговорили с Сергеем Сергеевичем, и она уехала. Все было спокойно, без эксцессов.

– Были разговоры о разделе фирмы или о дополнительном акционировании? – уточнил Гуров.

– Нет, а зачем? Все так хорошо... было, – Людмила снова зашмыгала носом и стала терзать платочек.

Гуров вздохнул. Если судить по простоватому лицу секретарши, она не хитрила. Трения между компаньонами в фирме если и были, то не носили такого откровенного характера, чтобы о них судачили по углам кабинетов и в курилках.

В девяноста случаях из ста заказное убийство одного из компаньонов финансируется другим компаньоном. В случае с Николаевым версия экономических разборок внутри «Интернешнл фуд корпорейшн» была первой на очереди. Пока. И хотя ничто еще ее не подтвердило, были только неясные намеки, сообщенные необъективной секретаршей, Гуров не собирался отказываться от версии конфликта между компаньонами.

Будущее должно было показать жизнеспособность этой версии.

– В какой больнице лежит Парамонов?

– В госпитале ГУВД, в хирургическом отделении. Кажется, на восьмом этаже, а номер палаты я не помню. Но можно же позвонить и спросить. Это на улице Народного Ополчения.

Гуров кивнул. Людмила подумала, что на этом разговор и закончится. Она даже улыбнулась, явно собираясь проговорить радостное «до свидания», но Гуров покачал головой.

– Вам скучно со мною, Люда?

– Не-ет. – Людмила удивленно взглянула на Гурова. – А почему вы спросили?

– Мне показалось, мое общество начало вас напрягать. Но если все нормально, то придется вам еще немного потерпеть, Людмила.

– Ну что же поделаешь!

Девушка постаралась изобразить на лице искренний интерес к разговору, но получилось у нее это плохо. Было заметно, что Людмиле разговор неприятен и чем-то ее пугает. Гуров пока не понял, чем именно, и оставил себе эту загадку на сладкое. Пока же нужно было выяснить основное.

– А теперь, Люда, – сыщик подался вперед и наклонился ближе к секретарше, – теперь напрягитесь и постарайтесь вспомнить что-нибудь необычное, что, возможно, произошло с вашим шефом в последние дни.

Людмила изобразила на своем личике тяжкое раздумье. Затем, быстро утомившись, она потрясла головой:

– Все было, как обычно. Ничего не помню. Я имею в виду, странного ничего не помню.

– Так дело не пойдет, – не согласился Гуров. – Ну, если вы так говорите, тогда опишите мне, пожалуйста, самый обычный, рутинный день шефа, – попросил он. – Может быть, совместно мы что-нибудь да нароем.

– Вряд ли, – упрямо произнесла Людмила, – но раз вы настаиваете...

Она сделала паузу, надеясь, что Гуров скажет, что, мол, не настаивает, но, сообразив, что ситуация вовсе не та, к каким она привыкла на своей работе, смирилась.

– В общем, так, – начала она и прервала себя: – Вы точно не хотите чаю или кофе? А то сидим как-то странно...

Кофеварки в кабинете не было, и Гуров снова отказался от предложения, чтобы не терять контакта с начавшей разговаривать по-человечески Людмилой.

– Значит, вы спрашивали об обычном дне. Обычно Сергей Сергеевич приезжал сюда часам к одиннадцати. Саша, его шофер, проходил вместе с ним и оставался в приемной. Он отлучался только на обед в два часа и уезжал вместе с Сергеем Сергеевичем, если тому было нужно куда-то ехать.

– Я так понимаю, что все время, пока Николаев находился в кабинете, охранник сидел напротив вас? – уточнил Гуров.

– Ну, не обязательно напротив, – возразила Людмила. – Он на диване любил сидеть рядом с дверью. Если заходил кто-то, не знакомый с нашими порядками, он Сашу сразу и не замечал. Проходил ко мне и только потом, если оглядывался, видел Сашу. Саша обычно журналы читал. Или кроссворды отгадывал... Он мне всегда подсказывал сложные слова... – Людмила вдруг засмушалась и поправилась: – Ну, я имею в виду, когда у меня выпадала свободная минутка. Обычно очень редко. Очень! – Она даже покраснела, почувствовав, что проболталась о такой досадной мелочи.

– Я верю, – усмехнулся Гуров и продолжил расспросы: – Посетители обычно созванивались с вами или с Николаевым заранее?

– Да, а вы откуда знаете? – Людмила приоткрыла рот, но тут же сама нашла объяснение: – Ах да, вы же в милиции работаете.

– Вот именно.

– Ну да, заранее. Правда, бывало и по-другому, но это нечасто. Случайные люди редко заходили сюда. Обычно все вопросы решались с менеджерами. Если менеджеры не могли что-то на своем уровне разрешить, то они приходили сюда, и тут уже было так, как скажет Сергей Сергеевич. Как он решал, так и было.

– Кто из посторонних заранее договаривался с вами на эту неделю?

– Неделя была довольно спокойной. – Людмила встала, очевидно, по привычке, потом тихо ойкнула и снова села. – У меня в журнале записано. А журнал в столе остался, – пояснила она. – Мне принести? Я на память не скажу.

– Мы потом посмотрим точнее.

Гуров не хотел отпускать от себя Людмилу даже в приемную. Она разговорилась, и этот момент нужно было использовать максимально полно. Еще неизвестно, о чем грустном ей вспомнится в приемной, и придется снова ждать, когда она успокоится и перестанет терзать платочки.

– Пока скажите, про кого помните, – попросил Гуров.

– Я помню, что приезжали несколько человек из провинции. Из Волгограда и из Самары... Потом был еще один деятель из мэрии. Кажется, он работает в финансовом отделе, – начала перечислять Людмила, и Гуров сразу же остановил ее на этом любопытном моменте.

– Фамилию деятеля помните? – спросил он, раскрывая свою записную книжку.

– Она у меня записана, – Людмила кивнула в сторону приемной. – Зачем же запоминать? Он в первый раз пришел. Что-то там было про городскую программу поддержки беспризорников. Или искоренения беспризорников, я не помню точно.

Людмила поерзала в кресле и с нетерпением посмотрела на Гурова.

* * *

Крячко доехал до самой деревни и, найдя в ней опорный пункт милиции, остановил свой «Мерседес». Ему нужна была дополнительная, пусть и самая мелкая информация об убийстве

Николаева, и хоть местный участковый вряд ли мог предоставить ему то, что надо, переговорить с ним было необходимо. Участковый наверняка уже не один раз беседовал с управлением по этому поводу, но увидеться с ним было нужно. Во-первых, Крячко собирался работать на чужой территории, а во-вторых, только участковый мог подсказать, к каким людям можно обратиться, чтобы попытаться скачать с них что-то полезное для расследования.

Хоть убийство произошло в пролеске в нескольких километрах от поселка и рядом не было ни жилья, ни каких-либо других людных мест, но все-таки это не пустыня. Крячко по своему опыту знал, что всегда есть люди, которые что-то видели или слышали, нужно только их отыскать. Частенько бывало так, что человек носил в себе информацию, не подозревая о ее ценности. И вот это было самой большой проблемой – найти такого человека, понять, что он знает, и взять у него то, что нужно.

Опорный пункт милиции располагался на первом этаже длинного оштукатуренного кирпичного дома, облупившегося во многих местах. Свежеокрашенными были решетки на окнах и входная дверь.

Синяя металлическая дверь пункта была раскрыта, и за нею был виден коридор, ярко освещенный желтым светом, идущим от мутных лампочек, запачканных побелкой и паутиной.

Крячко прошел в коридор. Пахло свежей побелкой и масляной краской. Стараясь не задевать за подозрительно блестящие стены. Стас двинулся вперед в поисках местного руководства.

В середине коридора два пацаненка лет тринадцати, не больше, сопя от старания, мазали кисточкой стены, выкрашивая их в тот же ядовито-синий цвет, в какой была уже покрашена входная дверь.

Двери кабинетов были распахнуты, и, пройдя мимо двух или трех пустых, Крячко подумал, что проблемы начались раньше, чем хотелось, – участковых не было.

Он уже собрался обратиться за помощью к юным художникам, но тут расслышал, что из-за последней раскрытой двери раздавался мерный стук пишущей машинки.

В этом кабинете в одиночестве сидел худой сорокалетний мужчина с реденькими волосиками на голове, аккуратно, впрочем, зализанными.

Мужчина медленно и упорно стучал пальцами по клавишам пишущей машинки, постоянно заглядывая в рукописный текст, лежащий слева от него.

– Вы ко мне? – тихо спросил он у Стаса, не прекращая работы. – Проходите, садитесь, я слушаю вас внимательно.

Крячко вошел, осмотрел голые стены, блестящие от свежей краски, и сел рядом с мужчиной на стул.

Стул качнулся, но не сломался. Несколько минут прошло в молчании.

– А компьютеров у вас нет? – наконец-то заинтересованно спросил Крячко, разглядывая машинку. – Это «Ундервуд»? Раритет, антиквариат, памятник ушедших эпох? А компьютер в сейфе спрятан?

– Какие еще компьютеры! – Мужчина, не повышая голоса и не отвлекаясь, продолжал настойчиво щелкать клавишами. – Что у вас произошло? Рассказывайте, я вас слушаю внимательно.

– Не у меня произошло, а у вас. – Крячко вынул удостоверение и показал его мужчине.

Тот отвлекся сперва только на секунду, потом, заметив, что показывают ему что-то серьезное, убрал руки с клавиш машинки и взял удостоверение.

– Понятно, – сказал он, возвращая документ Стасу. – Это по поводу убийства Николаева. Не вовремя его убили, надо признаться. Однако, с другой стороны, – мужчина по инерции заглянул в бумагу, заправленную в пишущую машинку, и, вздохнув, закончил: – С другой стороны, хорошо, что дело ушло к вам, а не осталось у нас.

– Хорошо, конечно, – согласился Крячко. – Ведь успех, он общий, а провал только наш. Вы кто, извините за настойчивость?

– Участковый капитан Балков Юрий Тимофеевич. – Мужчина уже сообразил, что дощелкать свою депешу ему не удастся, и смирился с этим.

Крячко, тоже заметив, что участковый готов к разговору, начал без вступлений:

– Как я знаю, свидетелей преступления не обнаружено.

– Работаем не покладая рук, – тот с готовностью показал на свой недопечатанный доклад, или что там у него было, и спросил: – Что нужно-то, товарищ полковник?

И Крячко, тоже оценив дружеский деловой тон, так же просто задал вопрос:

– А кто, в принципе, мог оказаться в то время в том месте? Алкаши какие-то расположились на природе, например...

– Холодно и далеко, – ответил участковый. – Алкаши – тоже люди, и им удобств хочется.

– Бомжи... – не сдавался Крячко.

– По той же причине... – отверг Балков и это предположение.

– Влюбленные... – Стас уже понял, что дело дохлое, но смириться с этим не желал.

– Да не сезон же для влюбленных. Как и для алкашей, впрочем. Ну как вы не понимаете, товарищ полковник. – Балков пошарил в кармане пиджака и вынул пачку «Честерфилда». – Курить будете?

– У меня есть свои. Спасибо. – Крячко вынул пачку из кармана, выбил из нее сигарету, прикурил от зажигалки и уточнил: – Не сезон влюбляться, говорите?

– Не сезон, – повторил участковый. – Пик влюбленности приходится согласно сводкам на вторую половину весны.

– Когда начинают собирать урожай заявлений об изнасиловании? – понятливо кивнул Стас.

– Ну конечно! Но основная причина отсутствия свидетелей – ноябрь все-таки. Кто потащится в такое место?

– А как насчет рыбаков и охотников? – Крячко понял, что участковый сел в глухую защиту и помогать крупному московскому деятелю, каким в его глазах является Стас, не собирается.

– А ты сам рыбак? – хитро прищурившись, спросил Балков.

– Я профессионально умею нарезать колбаску и разлить по сто семьдесят пять граммов. Наверное, рыбак. А ты как думаешь, капитан?

Стас переглянулся с участковым.

– Ну что скажешь-то?

– Насчет граммов? – осторожно уточнил капитан.

– Конечно.

– Пойдем поговорим с народом. Раз надо, так надо, – предложил участковый, отодвигая от себя свой допотопный «Ундервуд».

– Так я же об этом битый час талдычу. – Крячко широко улыбнулся, и участковый, снова бросив печальный взгляд на свою пишущую машинку, почесал в затылке.

– А почему по сто семьдесят пять граммов, а не по сто восемьдесят?

– Договоримся, – пообещал Стас и рассмеялся. Улыбнулся и Балков.

Контакт был налажен.

Они вышли вместе из опорного пункта. Перед выходом Балков, остановившись около мажущих стены мальчишек, строгим голосом сделал им ненужные внушения.

– Малолетние правонарушители? – тихо поинтересовался у него Стас на улице.

– Ну! Безотцовщина. А ребята нормальные. – Балков сплюнул себе под ноги. – Если бы их всех, разгильдяев, можно было занять делом – половину проблем решили бы.

Они пошли по улице мимо старых деревянных домов. Несколько собак с деловым видом, не обращая никакого внимания на прохожих, пробежали по своим собачьим делам.

– Сейчас заглянем к одному моему знакомцу, – пояснил участковый. – Он хотя и не рыбак, но, как говорится, видит издали. Может, что и скажет дельного.

Стас молча кивнул.

– Но не поручусь, – тут же подстраховался Балков. – Дело это шуму кое-какого наделало, но убили ведь не местного, поэтому и прошло оно как-то мимо внимания. Как новость по телевизору.

Они свернули с улицы в какой-то неровный переулок, потом еще раз и еще.

Последний поворот оказался настолько узким и кривым, что пришлось пробираться, отталкиваясь от деревянного серого покосившегося забора слева и забора из сетки справа.

Целью похода оказался черно-серый домик, стоящий в глубине квартала за собранным из всякой металлической рухляди забором. Несколько секций были сделаны даже из сеток старых кроватей.

– Если он дома, то говорить буду я, а ты помолчи пока, – вполголоса сказал участковый, и Крячко с готовностью кивнул:

– Договорились, начальник.

Балков хмыкнул и подошел к калитке.

Калитка представляла собой тоже довольно прихотливое сооружение, состряпанное местным умельцем из самых разных деталей. Все это было бы, наверное, и интересно, если бы не было таким старым и ржавым.

Участковый, привычно приподняв калитку, толкнул ее и вошел во двор. Калитка повисла на одной петле и завалилась за забор.

Маленькая, лохматая с одного бока и абсолютно лысая с другого, собачонка, выползшая из-под дома, растерянно помотала хвостом, понюхала воздух, зевнула и снова заползла в свою нору, не проявляя интереса к непрошеным гостям.

Подойдя к крыльцу, участковый постучал несколько раз в ближайшее окно, занавешенное изнутри рыжим одеялом.

– Дома, хозяин?! – крикнул Балков.

– Какого хрена барабанишь, урод?! – послышался недовольный мужской голос из дома.

Одеяло на окне задергалось, заколыхалось и отодвинулось в сторону. Наружу вытаращилась изможденная физиономия испитого мужика неопределенного возраста.

– Кто? Ну кто там?.. О, Тимофеич пришел! – изумленно воскликнул хозяин дома, и дверь через несколько минут, подчиняясь сильным толчкам и громкому мату, доносившемуся из дома, отворилась.

Выглянул хозяин.

– А что это ты не один-то? – хриловато спросил он, не выходя, впрочем, наружу.

– Ну ты что же, Нахимыч, подводишь меня? – спросил участковый, не отвечая и заходя в дом. Для этого пришлось несильно ткнуть хозяина пальцем в грудь. Мужик отшатнулся, но не обиделся, а разулыбался во всю свою беззубую пасть и несколько раз хихикнул, обшаривая встревоженными глазками Балкова и Крячко.

Крячко вошел следом и сразу же полез за сигаретами. Запашок в доме, начинавшемся маленькой загаженной кухней, был таким неприятным, острым и назойливым, что нужно было срочно перебить его хотя бы сигаретным дымом.

– Тимофеич! Да когда я тебя подводил?! – завопил хозяин домика, сутулый, поистрепанный жизнью и алкоголем мужичок средненького роста. Одет он был в грязную телогрейку, в вытянутые на коленях и на заднице трикотажные штаны и в прорванные напротив больших пальцев ног тряпичные тапочки.

– А хозяйка твоя где, Нахимыч? – спросил Балков. Он прошел через кухню в комнату и сел на шатающуюся табуретку, стоящую около тумбочки, на которой громоздился старый черно-белый телевизор.

Помимо этой мебели в комнате стояла еще панцирная двуспальная кровать, покрытая лоснившимся матрасом.

На исцарапанной побеленной стене напротив двери висела страница журнала с портретом Эдиты Пьехи. Как видно, обитателям этого жилища были не чужды понятия о прекрасном. Но Пьеха все-таки смотрелась здесь странно.

Крячко вошел следом за Балковым, но присаживаться не стал, потому что, кроме кровати, садиться тут больше было не на что.

– Чего? – переспросил Нахимыч, беспокойно перебегая глазами с Балкова на Крячко и обратно. – Хозяйка-то... а хрен ее знает, где она. Если не завалилась куда-то, значит, к соседке пошла. Сам знаешь ведь, бабы языками работают, как змеи жалом раздвоенным... А как я тебя подвел, Тимофеич? – Нахимыч потоптался, пошмыгал носом, подумал и присел на свою кровать. Она под ним протяжно скрипнула. – Ты же меня знаешь, я всегда... как это?.. Гражданин и человек! – выпалил Нахимыч непонятную фразу и замер в ожидании.

– Да знаю, знаю, – Балков покрутил носом. – Ну и духан у тебя здесь, человек, блин. Бене Ладену не фига думать тебя газом травить – бесполезняк, в натуре!

– А как же! – чему-то обрадовался Нахимыч. – Пусть только сунется, гаденыш бородатый, и мы его это... – Нахимыч помахал рукой, не досказал свою мысль и снова замер.

– Слышь, Нахимыч, – голос Балкова стал жестким. – Что ты мне тут про гражданина лепишь? А вот люди говорят немножко другое про тебя!

– Врут, козлы драные! – заорал Нахимыч, даже не дождавшись сути обвинений. – Точно врут, Тимофеич! Я даже знаю, кто! Ты мне скажи, что они придумали, а я скажу тебе, кто. Что говорят-то?

Балков хитро посмотрел на Нахимыча, потом сделал вид, что он немного подумал и отмахнулся от возникших у него подозрений, будничным тоном спросил:

– В общем, так, Нахимыч. Помнишь, вчера крутого грохнули у нас на дороге в дачный поселок?

– А как же! В новостях еще что-то лепили. Не помню что, но говорили. – Нахимыч активно поддержал разговор. Он почесался, сморкнулся на пол и, засунув руку в карман телогрейки, зашуршал там пачкой «Примы». – Из автомата вроде или гранатой. Плохо помню, Тимофеич. А надо?

– Короче, Нахимыч, вот приехал человек из столицы, они там знают, что кто-то из наших все это дело видел, и даже уже слух идет! В Москве знают, а я не знаю! Почему так? Ты же мне вешал лапшу, что никто да ничего! – Последнюю фразу Балков почти прокричал, и Нахимыч ссутулился и вжался в спинку своей кровати. – Врешь мне, получается? А, Нахимыч?!

– Да это же, Тимофеич, это же... – Нахимыч покрутил головой и задумался. – Ну, в общем, и не знаю даже, кто мог-то... Место уж больно не наше. Это с дач кто-то мог...

– Не бубни! – прервал его Балков. – Дачи там еще дальше и до них чалить и чалить! А из наших никто не мог там шастать? Рыбаки, может, какие?

– Не клюет теперя! – убежденно заявил Нахимыч. – Не сезон ей, суке, это верняк.

– А кто видел? – продолжал наседавать Балков на Нахимыча. – Давай соображай!

– А может, эти... – Нахимыч подался вперед и доверительным тоном, чуть понизив голос, быстро, взхлеб проговорил: – Может быть, патриоты наши хреновы? Молодняк этот фашистский? Вот они запросто и могли, а кроме них, и некому больше! Дело говорю, Тимофеич! Кроме них, дураков, там никто и не лазает. Только вот не знаю, вчера были они там или нет, не знаю. Но всю неделю они бродят, бродят, как уроды. Это они! – убежденно закончил Нахимыч. – Точно! Я чувствую!

– Какие еще патриоты? – тихо спросил Крячко у Балкова.

Балков, вздохнув, обернулся к нему.

– Да молодежь у нас тут есть такая продвинутая или сдвинутая, не знаю даже, как правильно, – пояснил он. – В Лимонова, писателя, влюбленная. «Лимонку» распространяют, короче, дурью маются от избытка энергии. – Балков снова повернулся к Нахимычу. – А я вот про патриотов-то и не подумал как-то. Почему думаешь, что они? Что им там делать?

– Да они же, как придурки, походы какие-то свои пионерские устраивают. Кроме них, некому там ошиваться. Если бабы по делам на дачи шли, так это раньше было.

– Бабы точно не видали ничего? – спросил Балков.

– Не! – Нахимыч убежденно махнул рукой. – Я же тебе говорил, они, дуры, еще жалели, что рано по этой дороге прошли. Я им объяснял, что и их бы положили, – не понимают, овцы.

– Значит, патриоты, – задумчиво повторил Балков.

– Они, они, – покивал Нахимыч. – А больше в лесу и не ходит никто. Что там делать? Этот, как его, простудифилис хватать? Так оно и здесь запросто. Холодно же, Тимофеич!

– Ну ладно, Нахимыч. Патриотов я потревожу, да и ты тоже уши не сворачивай в трубочку. Если окажется, что не они...

– Они, они, – снова повторил Нахимыч, – полная гарантия.

Балков встал и, не прощаясь, пошел к выходу. Крячко за ним.

Выйдя на улицу, Стас с удовольствием глотнул свежего воздуха.

– Даже жить захотелось, – пробормотал он, – после этой вонищи.

– А ты что заходил, Тимофеич? – Это Нахимыч выбежал на крыльцо, потерял от торопливости одну тапочку и начал нащупывать ее ступней. – А, Тимофеич?

– Забыл уже? – хмуро спросил Балков.

– Я? Нет! Так только по этому делу? – Нахимыч разулыбался, и Балков тут же остановился и подозрительно посмотрел на него.

– Блин, Нахимыч, если что узнаю про тебя, смотри! – погрозил он.

– Смотрю! Как впередсмотрящий! – весело закричал Нахимыч. – Если что, заходи, мы гостям всегда рады! Слышь, а ты моей бабы не видал нигде?

– Нет, – ответил Балков и направился к калитке. Выходя, он пнул ее ногой. Калитка закачалась на единственной петле. Из-под дома снова вылезла собачонка и, отбежав в сторонку, деловито задрала ногу на сухой ствол яблони, кривящейся у забора.

– Почему ты его Нахимычем зовешь? – спросил у Балкова Стас. – Он в свое время нахимовское училище закончил?

– Как же, он в свое время даже ПТУ не закончил! – брезгливо ответил Балков. – На химии он сидел, потому и прозвали его соседи Нахимычем. В кино, что ли, такую кликуху слышали или еще где. Так и прикрепило к нему. Очень уж удачно. Пошли, командир, к нашим сопливым патриотам. Если, конечно, застанем этих валенков у них в штабе.

Штаб «валенков», то бишь русских патриотов с большевистским уклоном, находился неподалеку. Располагался он в здании Дома культуры, о чем вещала полустертая табличка с остатками стекла, висевшая на стене у входа.

Перед входом в здание клуба стоял лоток, за которым коренастая дама в норковой шляпе и в болоньевой куртке торговала тем, что бог послал в эти края. Больше всего почему-то бог послал разновидностей пива и зубной пасты.

– Тимофеич! – жалобно крикнула дама. – Опять накладные проверять будешь? Ты же на той неделе два раза проверял!

– Ай, отстань, Машка! – отмахнулся от нее Балков. – Стоишь тут, так и стой, пока руки до тебя не доходят. Некогда мне!

– Чтоб тебе подольше было некогда, – проворчала дама, названная Машкой, но Балков не расслышал или сделал вид, что не расслышал, потому что боролся с высокой и тяжелой

входной дверью клуба. Дверь была старой, перекосившейся и снабженной вдобавок весьма тугой пружиной.

Стас, шедший в двух шагах за Балковым, подошел и помог придержать дверь.

– Спасибо, – буркнул Балков. – В эти двери двадцать лет пьяный молодняк башками бился, поэтому они сразу и открываться не хотят.

– Надеюсь, мы не на танцы идем? – пошутил Стас, входя в вестибюль клуба, украшенный черно-белыми фотографиями былых побед на культурном фронте. Однако Балков шутку не понял.

– Может, и потанцевать придется. Да не нам, – проворчал он. – Это я тебе обещаю, полковник. То есть вам, вам обещаю. – Балков запоздало опомнился и с опаской искоса взглянул на Крячко. – Пардон, то есть.

– Да ладно, все нормально. – Стас дружески хлопнул участкового по плечу. – Здесь, что ли, штаб?

– Ага, здесь. За актовым залом.

«Актовым» оказался единственный зал клуба, запущенный и грязный, однако с паркетным полом, который по причине возраста и безобразной эксплуатации весь пришел в негодность. Каждый шаг сопровождал скрип или вздох отходящих от основы досочек.

На сцене зала, приподнятой примерно на метр, по краям стояли две большие музыкальные колонки, почти целиком оклеенные вкладышами от жевательных резинок. Было холодно.

Крячко и Балков прошли справа от сцены в узкий проход, который после короткого поворота закончился неплотно прикрытой дверью, обитой серо-черной клеенкой. За дверью виднелся свет и чувствовалось тепло.

– У вас здесь всегда холодно, как в погребе? – спросил Крячко Балкова.

– Нет, конечно, только зимой. – Балков потянул ручку на себя и распахнул дверь в небольшой светлый кабинет.

С первого же взгляда было видно, что здесь располагается общественная организация или просто устроилась группа людей, желающая казаться организацией.

Напротив входа на стене висело красное, как говорилось раньше, «кумачовое» полотнище, с лозунгом, идущим по нему крупными черными буквами.

Лозунг гласил: «Берия – наш рулевой!»

– Ни хрена себе! – прошептал Стас, буквально споткнувшись от впечатления. – Ну дают, пацаны. Охренеть!

Под лозунгом висели на стене три портрета: Ленина, Лимонова и Быкова. Последние два были увеличенными фотографиями, но в рамках и под стеклом. Изображение Владимира Ильича стеклом прикрыто не было.

Ну а уже под фотографиями за столом сидел молодой парень. Он был худ, вероятно, высок, коротко стрижен, на правой руке у него топорщилась красная повязка с черными серпом и молотом в белом круге.

– «Вот вам молот, вот вам серп. Это наш советский герб», – прошептал Стас.

– «Хочешь жни, а хочешь куй, – с готовностью подхватил Балков, – а Чубайс отрежет свет». Здорово, фюрер! – обратился он к парню. – Все погромы планируешь? Или государственный переворот?

– Ваши вопросы я воспринимаю как издевательство и провокацию, – ни секунды не медля ответил парень, откладывая в сторону какой-то детектив в мягкой обложке, который он до этого очень внимательно читал и даже делал какие-то карандашные пометки в тексте, отмечая, очевидно, самые удачные места. – У вас есть ордер?

Справа от входа на стене висели рукотворные плакатики с изображением каких-то символических знаков и с проникновенными надписями: «Куришь, пьешь вино и пиво – ты пособ-

ник Тель-Авива!» и "Крошка сын к отцу пришел, и сказала кроха: «Быть евреем хорошо, сионистом – плохо!»

– Это он всегда спервоначалу хвост пушит, пока по рогам не получит, – пояснил Стасу Балков, шумно отодвигая стул и присаживаясь напротив фюрера. Сам фюрер в это время, состроив презрительное выражение на своей не шибко умной мордашке, сидел ровно, скрестив руки на груди.

– Ты присаживайся тоже, куда знаешь, – Балков показал Крячко на другие стулья. – В ногах правды нет.

– Да я в курсе, – ответил Крячко, взял от стены стул и прочитал следующий плакат: «Над арабской мирной хатой гордо реет жид пархатый!»

– Сам сочинил? – спросил он у фюрера, присаживаясь к столу слева.

– Я ждал этого вопроса, – презрительно кривя губы, ответил паренек. – Это прямая цитата из Иосифа Бродского. Был такой поэт. Ему еще Нобелевскую премию дали.

– В самом деле? – Стас едва сдерживался, чтобы не рассмеяться.

– У меня книжка есть! – гордо отрапортовал паренек и полез в ящик стола. – Я всегда готов к обвинениям в антисемитизме и...

Фюрер не договорил, потому что Крячко жестом остановил его порыв, отказавшись перечитывать Бродского.

– Хорошие стихи, – похвалил он. – Душевные. И всегда актуальные. А я и не знал, что у вас тут поэтический кружок.

– Они сами этого не знают, – заметил Балков. – Клоуны ходячие.

– У нас не кружок, а партия патриотов. – Паренек уже начал теряться, не понимая, для чего весь этот разговор и кто такой Крячко. Он переводил недоуменный и настороженный взгляд с Балкова на Крячко, и было видно, как под короткой стрижкой и толстой лобной костью у него упорно работает мысль.

– А этот авторитет каким боком в патриоты пролез? – Балков брезгливо ткнул пальцем в фотографию Быкова. – За бабки или из уважения?

– А вы читали книгу Лимонова про него? – напористо спросил паренек.

– Про этого бандита? – хмурясь, уточнил Балков.

– Про этого депутата Красноярской областной думы! – Паренек, не удержавшись в образе суровой непреклонности, выкрикнул эти слова, и получилось у него это немного громче, чем достаточно было бы для высказывания собственного мнения.

– Так, Жорик, ты меня начал доставать! – Балков не выдержал, соскочил со стула, резко обошел стол и приблизился к портрету Быкова. Стас подумал, что он его сейчас сорвет со стены, но ничего такого не произошло.

Балков встал над местным фюрером, оказавшимся всего лишь Жориком, нажал ему на плечо своим кулаком и выпалил:

– Не могу я терять с тобой время, сопляк. Спорим на шелбан, что сейчас, когда я позову понятых, то в их присутствии найду у тебя наркотики, а возможно, и оружие?

– Какие наркотики?! Где?! – Жорик попытался вскричать грозно и солидно, но получилось у него это совсем уж по-мальчишески.

Балков одной фразой сумел пробить оборону противника, и враг начал отступать.

– Про наркотики хочешь узнать? А я тебе не скажу, пока не найду эти три грамма героина. И я даже знаю, где ты их прячешь!

Жорик покраснел, выпучил глаза и стал разительно похож на жабу. Крячко отвернулся к окну, подпер щеку ладонью, чтобы не рассмеяться, и постарался подумать о чем-нибудь грустном, например, о громко ругающемся Гурове. Но отвлечься от происходящих событий не получилось. Партайгеноссе Жорик в это время открыл рот.

– Вы провокатор! – выдохнул он в адрес Балкова. – Вы продажный...

– А может быть, и больше найду, – спокойно, словно он говорил сам себе, продолжил невозмутимый участковый. – Ты, малец, кончай базар-то и начинай говорить по-человечьи.

– Это как?! – выкрикнул Жорик и шмыгнул носом.

Стас не выдержал и глухо рассмеялся, стараясь закрыть рот ладонью. Получилось не совсем удачно.

– Сейчас подскажу как, – издевательски-добродушно проговорил Балков. – Мы же с тобою земляки, Жорик, верно?

– Ну да, – с легким сомнением в голосе ответил Жорик.

– Ну и как земляки мы должны помогать друг другу, – подвел итог Балков. – Если ты попал в беду, то я ее отведу, как кто-то там поет. Или попробую отвести.

– Никакой беды у меня нет, – катастрофически быстро теряя всякие остатки апломба, пролепетал Жорик.

– Ты про наркоту не забывай, – мягко напомнил Балков.

– Вы ее не нашли! – слабо засопровтивлялся Жорик. Он уперся руками в столешницу и начал приподниматься не очень активно, но заметно.

– А я еще и не искал. Короче, ты не вздрагивай так, словно ужастик по ящику смотришь, и слушай меня внимательно. – Балков легонько толкнул Жорика в грудь, и тот почти рухнул обратно на свой стул. – Меня интересует, не видел ли кто-нибудь из ваших товарищей, или как вы там себя называете, а то, может, ты сам, фюрер недоделанный, что-либо, имеющее отношение к недавнему убийству у нас на просеке.

Жорик помолчал, а потом растерянно пробормотал:

– Вы и это на меня хотите повесить?! Не выйдет!

– Это еще почему? – удивился Балков. – А я вот думаю, наоборот!

– Да мы ушли еще до того, как та машина приехала! – крикнул Жорик. – И выстрелы мы слышали только издали! Мы уже ушли оттуда!

У Крячко сразу же после этих слов что-то запело и заликовало в душе. Это была явная удача.

– Во сколько вы ушли с этого места? – быстро спросил Стас.

Жорик нагнул голову и молча зашевелил губами. Наверное, принялся вспоминать точное время, но Балков, не дав ему подумать, заговорил:

– Ну что молчишь, Адольф Шикльгрюбер? Или ждешь приказа из Бутырок от своего босса? Мы сделаем!

– Приказ доставите? – Жорик поднял голову и улыбнулся:

Крячко рассмеялся в полный голос и потянул из кармана пачку с сигаретами.

– Весело у вас тут, – проговорил он.

– Не приказ доставим, дубина, а тебя туда утрамбуем! – рявкнул Жорику участковый. – Ну! Колись давай!

– Не было там нас! Мы раньше ушли! – закричал Жорик. – И не помню, во сколько! – Он поморщился, словно его вынудили выдать важную военную тайну, и глаза его стали влажными.

– О-паньки! – воскликнул Балков в притворном удивлении и потер руки. – Как хорошо получилось-то! Они ушли раньше, чем что? Раньше, чем этого, как его, – Балков пощелкал пальцами, – вспомнил! Николаева! Раньше, чем убили Николаева? Или раньше, чем уехал киллер? Ну-ка колись, фюрер!

– Я не фюрер, я – вождь! – тихо сказал Жорик.

– Один хрен, – небрежно оценил Балков запоздалые потуги Жорика сохранить хотя бы видимость своей помпезности. – Итак, кто из ваших грохнул Николаева? Или ты сам в порядке, так сказать, бравого примера? Верю, именно ты это и сделал! Накололся наркотой и пошел совершать подвиги!

– Да не так все было! – Жорик внезапно повернулся к Крячко и крикнул ему, словно именно от Стаса должна была прийти помощь: – Ну не так, не так было!

– А как? Как? – спросил Стас. – Рассказывай, как все было, это от тебя и требуется! Давай, сливай информацию, пока есть возможность, а то потом и спрашивать не станут!

– Мы раньше ушли! Раньше! И не видели ничего и никого, кроме того мента! – Жорик вдруг всхлипнул, потом потер глаза кулаком и расплакался.

Балков переглянулся с Крячко, кивнул ему и отошел от стола.

– Не знаю даже, чему верить, – сказал он. – Не знаю!

– Какого еще мента вы видели? – спокойно спросил Крячко. – Своего знакомого? И что он там делал?

– Ну-ка, давай подробнее, – крикнул Балков. – Что-то я не пойму, о чем ты тут мне базаришь!

– Не видели мы, как убивали этого буржуя, не видели! Мы ушли, наверное, за полчаса до того, как он приехал. Мы потом по часам сверились! – продолжал бормотать Жорик, словно не услышав последнего вопроса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.